Дата поступления рукописи в редакцию: 30.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-234-238

ГУМЕРОВА Р.Р.,
доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук, подполковник полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРИНЦИП ОБЪЕКТИВНОСТИ КАК СРЕДСТВО, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Аннотация. *В статье исследуется специфический принцип объективности, относящийся к организационно-тактической деятельности следователя при производстве расследования по уголовным делам. Обосновывается вывод, что указанный принцип выступает гарантом отсутствия заинтересованности в конечном результате следователя, от которого требуется объективный подход в сборе информации, ее всесторонний анализ, формирование доказательств причастности лица к совершению преступления либо его непричастности к преступной деятельности.*

Ключевые слова: *объективность, принцип законности, принцип состязательности, следователь, уголовный процесс, уголовное дело.*

GUMEROVA R.R.,
Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Police Lieutenant Colonel

PRINCIPLES OF OBJECTIVITY AS A MEANS OF ENSURING THE EFFECTIVENESS OF THE CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES OF THE INVESTIGATOR IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

Annotation. *The article examines the specific principle of objectivity related to the organizational and tactical activities of the investigator in the investigation of criminal cases. The conclusion is justified that this principle acts as a guarantor of the lack of interest in the final result of the investigator, who is required to take an objective approach to collecting information, its comprehensive analysis, and the formation of evidence of a person's involvement in the commission of a crime or his non-involvement in criminal activity.*

Key words: *objectivity, principle of legality, principle of competition, investigator, criminal process, criminal case.*

Существование в уголовно-процессуальном законе оценочных понятий, недостаточная конкретизация норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), некоторая расплывчатость правового регулирования отдельных аспектов уголовного судопроизводства приводят к субъективизму участников уголовного процесса, влекущему прямое нарушение прав и свобод человека и гражданина, являющихся высшей ценностью, основополагающим принципом уголовного судопроизводства. Так, Генеральным Прокурором России А.В. Гуцан на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в марте 2026 года отмечено, что много проблем имеется в деятельности органов расследования. По уголовным делам нередко не производятся даже первоначальные, обязательные следственные действия.

По тысячам материалов доследственных проверок годами не принимаются законные решения, даже при наличии достаточных данных о совершенном преступлении. С другой стороны, нарастает практика возбуждения уголовных дел при очевидном отсутствии законных поводов и оснований. Порой лишь на основе непроверенных публикаций в СМИ и социальных сетях. Как следствие почти на треть возросло число отмененных прокурорами постановлений о возбуждении уголовных дел [1].

В главе 2 УПК РФ изложены принципы уголовно-процессуальной деятельности как основные, исходные, руководящие положения по ее осуществлению, безусловно распространяются на любую деятельность, в том числе и на следственную. Рассматривая деятельность следователя отметим, что она имеет свои отличительные признаки от деятельности иных должностных лиц в уголовном судопроизводстве. В ее основу положены особые идеи, правовые положения, которые и позволяют следователю выполнять свои обязанности [9, с. 62], реализовать свои права. В силу этой особенности, полагаем, целесообразно выделить специфический принцип объективности деятельности данного участника уголовно-процессуальных отношений.

Следует отметить, что объективность по своей сути является общеправовым принципом [2, с. 78]. Он должен проявляться в деятельности всех должностных лиц – участников уголовно-процессуальной деятельности. Суть указанного принципа применительно к деятельности следователя заключается в том, что он выступает гарантом объективности [11, с. 31] процесса формирования доказательств. Собирание информации, ее анализ, формирование доказательств причастности лица к совершению преступления, обеспечение права обвиняемого на защиту – важные составляющие деятельности следователя. Предвзятое отношение следователя не только ограничит, но и лишит возможности подозреваемого, обвиняемого реализовать свои права [10, с. 48].

Кроме того, объективность предполагает выбор следователем таких следственных действий, которые соответствуют фактическим обстоятельствам, вызвавшим необходимость проведения расследования. По сути, это более широкая трактовка права следователя принимать решения по своему усмотрению. Данная позиция определена законодателем в ст. 38 УПК РФ. Под усмотрением следователя ученые понимают выбранный данным должностным лицом в пределах своих полномочий из ряда альтернатив (каждая из которых законна) вариант поведения (решения), отвечающий конкретным условиям дела [3, с. 61]. Однако из всех возможных вариантов следователь должен выбрать не просто любой по своему усмотрению, а тот, который приведет к достижению поставленной цели.

Определяя, какое следственное (процессуальное) действие в конкретной ситуации даст больший эффект, следователь должен учитывать обстоятельства дела, характеристики участвующих в данном следственном действии лиц, обстановку, в которой будет проводиться это действие, ожидаемые результаты.

Такие требования чаще всего следует соблюдать при принятии следователем решения о проведении очной ставки при наличии противоречий в показаниях участников процесса.

Ввиду изменения редакции ст. 281 УПК РФ, появления в ней части 2.1, в полномочиях следователя на проведение очной ставки появился императивный момент: ввиду угрозы утраты юридической силы у личного обвинительного доказательства по причине неявки свидетеля в суд для проведения его допроса стороной защиты между этим свидетелем и обвиняемым должна быть проведена очная ставка.

Поэтому практика проведения очной ставки в некоторых структурных подразделениях связана с необходимостью закрепления даваемых в ходе предварительного расследования показаний участника с целью последующих гарантий допуска доказательств в суде как допустимых в случае отказа от дачи показаний подсудимого или невозможности допроса свидетеля. Тем самым следователь на более ранних стадиях процесса обеспечивает возможность задать вопрос участникам противоположной стороны по поводу инкриминируемого деяния и изобличающих версий.

Как показывает практика, в том числе и личный опыт работы в качестве следователя не позволяет согласиться с утверждением, что в результате очной ставки можно получить весомые для раскрытия преступления доказательства. Как правило, участники очной ставки продолжают настаивать на своих показаниях. Несмотря на это, следователи проводят очные ставки, заведомо зная, что получат отрицательный результат, что, на наш взгляд, абсолютно излишне.

Нельзя не согласиться с теми, кто утверждает [4, с. 54–63], что в отечественном уголовном процессе по причине отсутствия в нем института перекрестного допроса очная ставка, проведение которой входит в круг исключительных полномочий следователя, является главной гарантий обеспечения объективности при формировании личных доказательств и защиты прав подсудимого.

Для правильного принятия решений важен и систематический учет правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом РФ, Верховным Судом РФ, Европейским судом по правам

человека, которые выступают дополнительным доводом в системе аргументов, положенных следователем в основу своего мнения о целесообразности проведения определенных следственных действий и принимаемых по результатам данных действий решений. Наиболее ярко это требование проявляется при решении вопроса об избрании меры пресечения. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [5] сформулированы основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: наличие обязательных данных о том, что подозреваемый, обвиняемый может скрыться от дознания, предварительного следствия либо суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 указанного Постановления определил, какие фактические обстоятельства можно рассматривать в качестве оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу: тяжесть обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок, нарушение лицом ранее избранной в отношении него меры пресечения, наличие источника дохода за рубежом, факт продажи имущества, наличие гражданства иностранного государства, отсутствие постоянного места жительства, работы, семьи, угрозы участникам процесса и пр.

Изучение уголовных дел показало, что, несмотря на данное Постановление, не во всех случаях принятия решений об избрании данной меры пресечения следователи указывают на конкретные данные, позволяющие сделать однозначный выбор в пользу заключения под стражу. Например, по уголовному делу следователь, обосновывая необходимость изоляции обвиняемого Т., указал все перечисленные основания, не приведя конкретных примеров действий Т., позволяющих предполагать о его намерениях воспрепятствовать ходу расследования по уголовному делу [6].

Принцип объективности следственных действий и решений ориентирует следователей на необходимость просчитывать и возможные осложнения ситуации, которые могут возникнуть в ходе проведения следственного действия и повлечь за собой какие-то проблемы. В качестве примера можно привести ситуации, возникающие на практике. Например, по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ, при получении следователем образцов голоса для сравнительного исследования обвиняемые в совершении разбойных нападений в составе банды отказались что-либо говорить [7].

Также по данному уголовному делу следователь предъявлял потерпевшим для опознания обвиняемых, совершавших разбойные нападения в составе устойчивой вооруженной группы. Несколько опознающих среди предъявленных лиц никого не опознали. После завершения следственного действия они заявили, что лица, совершившие преступления, находились среди опознаваемых, но, испугавшись, опознающие ни на кого не указали.

По уголовному делу по обвинению Г. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, в помещении комнаты полиции Уфимского линейного управления МВД России на транспорте проводилось следственное действие – предъявлении для опознания подозреваемого Г. Потерпевший В., осмотрев предъявляемых для опознания лиц, указал на подозреваемого Г. как на лицо, совершившее в отношении него преступление, и пояснил, по каким признакам он его опознал. По окончании опознания подозреваемый Г. заявил, что у него имеется замечание к ходу проведенного следственного действия. Подозреваемый Г. обратил внимание участвующих лиц на тот факт, что в данном помещении имеется камера видеонаблюдения, благодаря которой перед началом проведения предъявления для опознания через монитор сотрудник полиции мог указать потерпевшему В. на него как на лицо, совершившее преступление [8]. Заявленное ходатайство подозреваемого было вполне обоснованным и могло не позволить впоследствии признать результаты опознания допустимым доказательством. Следователю пришлось дополнительно провести ряд процессуальных действий (осмотры помещений), чтобы в ходе судебного заседания не возникли осложнения по поводу признания результатов опознания недопустимым доказательством.

Рассматриваемый принцип распространяется и на решения, принимаемые следователем в ходе предварительного расследования. Закон не содержит каких-либо указаний к содержанию тех промежуточных решений, которые принимаются следователем, хотя в ходе расследования такие решения принимаются достаточно часто. Например, по заявленным ходатайствам.

Анализируемый принцип, имея самостоятельное содержание, неразрывно связан с принципом законности (ст. 7 УПК РФ), требующим, в том числе от решений, принимаемых должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, законности, обоснованности и мотивированности. Соответствие изложенных в документе фактов объективной действительно-

сти включается в данные положения.

На наш взгляд, законность более характеризует формальный аспект деятельности следователя. Соотношения объективности и законности как содержания и формы.

С принципом состязательности (ст. 15 УПК РФ) анализируемый принцип объективности следственной деятельности и решений, принимаемых следователем, также связан. И можно даже утверждать, что в этой связке проявляется уникальность и самобытность российской уголовно-процессуальной системы.

Таким образом, принцип объективности следственной деятельности и решений выступает гарантом отсутствия заинтересованности в конечном результате следователя, от которого требуется объективный подход в сборе информации, ее всесторонний анализ, формирование доказательств причастности лица к совершению преступления либо его непричастности к преступной деятельности. Предвзятое отношение следователя ограничит возможности подозреваемого, обвиняемого реализовывать свои права.

Список литературы:

[1] Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8430135/ (дата обращения: 12.05.2026).

[2] Григорян В.Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления. – Саратов, 2012. – С. 78.

[3] Марфицин П.Г. Усмотрение следователя. – Омск, 2002. – С. 61.

[4] Александров А.С. Сравнительная этичность очной ставки и перекрестного допроса // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 3. С. 54–63.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» : от 19 дек. 2013 г. № 41 (ред. от 27.05.2025) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2026).

[6] Приговор Калининского районного суда г. Челябинска от 13.12.2016 по делу № 1-443. URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kalininskii-raionnyi-sud-g-cheliabinska-cheliabinskaia-oblast/?ysclid=lzu71jn2oj159707947 (дата обращения: 23.04.2026).

[7] Материалы предоставлены ГСУ МВД по Республике Башкортостан, уголовное дело № 6010018.

[8] Материалы предоставлены Уфимским линейным управлением МВД России на транспорте, уголовное дело № 301834.

[9] Маршанкулова, Р. Е. К вопросу о формах административно-правовой защиты государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность / Р. Е. Маршанкулова // Право и государственность. – 2024. – № 4(5). – С. 60-67. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.5.4.010. – EDN ELOFGC.

[10] Татаренко, Н. С. К вопросу о публичности региональной правовой политики в правозащитной сфере / Н. С. Татаренко // Право и государственность. – 2024. – № 3(4). – С. 47-50. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.006. – EDN SCFAAO.

[11] Абдулханнянов, И. А. Проблема толкования понятия "эффективность" в уголовном праве / И. А. Абдулханнянов, А. Л. Санташов // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2025. – № 3(45). – С. 28-35. – DOI 10.54217/2588-0136.2025.45.3.003. – EDN FZWQCR.

References:

[1] Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official. website [Electronic resource]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8430135/ (access date: 12.05.2026).

[2] Grigoryan V.L. Protection as a system-forming factor of criminal proceedings and the principles of its implementation. - Saratov, 2012. - S. 78.

[3] Marfitsin P.G. Investigator discretion. - Omsk, 2002. - S. 61.

[4] Aleksandrov A.S. Comparative ethics of confrontation and cross-examination // Judicial power and criminal process. 2021. № 3. S. 54-63.

[5] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2013 No. 41 "On the Practice of the Courts Applying Legislation on Preventive Measures in the Form of Detention, House Arrest, Bail and Prohibition of Certain Actions": dated December 19, 2013 No. 41 (ed. 27.05.2025) // Access from SPS "ConsultantPlus" (date of appeal: 15.05.2026).

[6] Verdict of the Kalininsky District Court of Chelyabinsk dated 13.12.2016 in case # 1-443. URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kalininskii-raionnyi-sud-g-cheliabinska-cheliabinskaia-oblast/?ysclid=lzu71jn2oj159707947 (дата обращения: 23.04.2026).

[7] Materials provided by the Main Investigative Directorate of the Ministry of Internal Affairs for the Republic of Bashkortostan, criminal case No. 6010018.

[8] Materials provided by the Ufa Linear Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia on transport, criminal case No. 301834.

[9] Marshankulova, R. E. On the question of the forms of administrative and legal protection of civil servants from unlawful interference in their professional official activities/R. E. Marshankulova // Law and statehood. – 2024. – № 4(5). - S. 60-67. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.5.4.010. – EDN ELOFGC.

[10] Tatarenko, N. S. On the publicity of regional legal policy in the human rights sphere/ N. S. Tatarenko // Law and statehood. – 2024. – № 3(4). - S. 47-50. – DOI 10.70569/2949-5725.2024.4.3.006. – EDN SCFAAO.

[11] Abdulkhannyanov, I. A. The problem of interpreting the concept of "effectiveness" in criminal law/I. A. Abdulkhannyanov, A. L. Santashov // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. – 2025. – № 3(45). - S. 28-35. – DOI 10.54217/2588-0136.2025.45.3.003. – EDN FZWQCR.

